

Отнять всё

Автор:

Джейн Лителл

Отнять всё

Джейн Лителл

Психологический триллер (АСТ)

Можно скрыть ложь. Можно скрыть тайну. Но можно ли скрыть свой самый глубокий страх?

Всем вокруг Кэти кажется воплощением успешной современной женщины, у которой есть всё, о чем только можно мечтать, – чудесный ребенок, замечательный муж и любимая работа.

И только Хейе, подчиненной Кэти, известно и о трещине, которую дал брак начальницы, и о ее постоянных сомнениях в себе. Хейя знает достаточно, чтобы разрушить жизнь Кэти. И если ее план сработает, она получит то, о чем мечтает больше всего на свете...

Так страх одной женщины становится идеальным оружием, которым намерена воспользоваться другая.

Джейн Лителл

Отнять всё

Моей героической маме – Маргарет Лителл Кларк

Jane Lythell

THE LIE OF YOU

© Jane Lythell, 2014

© Школа перевода В. Баканова, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Джейн Лителл – известный английский телепродюсер. Дебютный роман «Отнять всё» стал настоящим прорывом в жанре психологического триллера. За первой книгой последовала вторая, закрепившая положение писательницы в литературном мире, а в этом году она планирует выпустить и третью.

Потрясающий роман о зависти, соперничестве, любви и обмане!

«Diva»

Роман, который по напряженности сюжета, по яркости и достоверности характеров может конкурировать с «Исчезнувшей» и «Девушкой в поезде».

«The Scotsman»

Хейя

Апрель

Кэти думает, что у нее есть все: работа, ребенок, друзья и – он. Зато у нее нет моей целеустремленности. Она как раскрытая книга, никаких тайн. Сама не знает о своих темных сторонах. О чужих тоже. И верит в человеческую порядочность.

Когда ее сделали редактором, я позвонила ей домой, попросила о встрече. Сказала, что хочу обсудить мое назначение. Она чуть было не согласилась, но в последнюю минуту передумала.

– Давай вместе пообедаем, когда я выйду на работу, в первую же неделю, ладно, Хейя? А пока мне нужно побыть дома.

На собеседовании я объяснила ей, как правильно произносится мое имя, и теперь она без конца его вставляет куда надо и куда не надо. Это действует мне на нервы.

Я проявила настойчивость, сказала, что хочу встретиться как можно быстрее. Меня приглашают на хорошие вакансии, и если она ценит мою работу в журнале...

Она колебалась: не любит отказывать; тут захныкал ребенок – и дело было решено.

– Извини, Хейя, придется отложить, пока не выйду на работу. Мне пора. До встречи – и спасибо за звонок.

В первый день Кэти пришла в оранжевой шелковой блузке, серой строгой юбке и дорогих черно-бронзовых туфлях. Юбка обтягивала живот, да и грудь слегка выпирала. Фигура после родов еще не восстановилась. Волосы у нее черные, густые, волнистые, брови широкие и темные.

Все сотрудники отдела – Лора, Карен, Тим и Стефани – тут же столпились вокруг Кэти. Стали говорить, как ей рады, как она прекрасно выглядит. Она отнюдь не красива, даже не хорошенькая. Кожа у нее неплохая, с румянцем. Глаза карие, миндалевидные. Но мимика слишком выразительная, ни секунды покоя. На нее устаешь смотреть.

Все утро Кэти просидела у Парра, издателя журнала, за стеклянной перегородкой. Потом собрала нас на совещание. Нас всего шестеро, включая ее помощницу Аишу.

Говорила о том, как собирается развивать журнал. Подавшись в кресле вперед, стала спрашивать наше мнение. Она, видите ли, полагается на взаимодействие и управление методом поощрения. Все высказывались, я молчала. Она и не подумала отозвать меня в сторону и договориться о встрече.

* * *

На второй день Кэти подошла к моему столу – сама приветливость и обходительность.

– Хейя, по поводу нашего обеда. В пятницу сможешь?

Я сказала, что мне удобнее в среду. В среду не могла она, и я согласилась на пятницу. Других вариантов у меня не было. Уходить из журнала я не собираюсь. Только здесь я могу видеть ее каждый день.

Кэти

Апрель

Сегодня за обедом, сидя напротив Хейи, я с аппетитом поедала утопающие в соусе спагетти с моллюсками. Удовольствие запретное, потому что чеснок из соуса вечером окажется в моем молоке.

Хейя заказала запеченного морского карася с фенхелем – такое блюдо можно есть, не боясь забрызгаться. А Хейя как раз была в синей льняной блузке и роскошном кремовом жакете. Волосы она заплетает прямой французской косой, и эта прическа придает ей горделиво-неприступный вид. У нее высокие

красивые скулы. Волосы золотисто-пепельные; я бы на ее месте подстриглась под мальчика – ей такая стрижка очень пойдет.

Болтали о текущих делах.

Хейя наверняка чего-то хотела. Ведь не просто так она попросила о встрече, буквально настояла. Сама же, однако, казалась рассеянной, смотрела по сторонам, словно слушать меня ей было неинтересно, и это сбивало с толку. Потом принесли кофе, и я подумала: «Ну и хорошо, что не заводит серьезных разговоров. Может, она просто хотела возобновить контакты после долгого перерыва?»

Хейя заказала зеленый чай – очень заботится о своем здоровье, даже приняла с чаем две капсулы пищевой добавки.

И вдруг пустилась убеждать меня, что ее следует назначить моим заместителем. Говорила своим обычным официальным тоном. Английский у нее отличный, но чересчур правильный, сразу видно: язык не родной.

– Пока тебя не было, я писала статьи для всех разделов, – заявила она.

Теперь рассеянность одолела меня.

За соседним столом сварливо препирались двое. Мужчина, скрестив на груди руки, свирепо тарачился на пустую тарелку из-под пудинга, вымазанную малиновым сиропом. Женщина нервно комкала салфетку; лицо и шея у нее пошли красными пятнами. Официант, прежде чем подать им счет, помедлил. Наверное, ему подобные сцены не в диковинку, ведь несчастливых пар так много...

Хейя заканчивала свою речь.

– Я практически выполняла обязанности заместителя редактора, пока ты была в отпуске, и теперь мне хотелось бы большего.

– Хейя, ты проделала большую работу, и я тебе очень благодарна. Но коллектив у нас маленький, и журналу просто не нужен заместитель редактора. Да и

Филип не согласится.

Зачем, спрашивается, я приплела Филипа, нашего шефа? Не могла разве твердо сказать «нет»? Хейя в журнале совсем недолго, а продвигать так быстро не принято.

Враждующая пара принялась оплачивать счет. Мужчина небрежно швырнул на стол банковскую карточку, а женщина, поджав губы, демонстративно перебирала бумажки и монеты, отсчитывая ровно половину платы за обед.

Хейя подалась вперед, вся трепеща от бурлившей в ней энергии.

– Ребенок требует времени, и я подумала, что помощь тебе не повредит.

– Это не проблема, – бросила я. – Команда у нас дружная, и каждый знает свое дело.

Почему-то мое сердце сильно колотилось.

* * *

К вечеру мне стало тревожно. Хейя словно напророчила. Для чего мне играть в редактора, сидеть в этом прозрачном кабинете с кучей бумаг на столе? Зачем я вообще согласилась на повышение?

Очень хотелось пойти домой и взять на руки Билли. Казалось, нас по-прежнему связывает невидимая пуповина; тянет меня домой, к его сладко пахнущей головке, к чмокающему роту... Я еще кормила грудью. Достав из сумки фотографию, я долго смотрела на его мордашку, затем, отложив снимок, вернулась к делам.

Ко мне заглянула Карен, наш менеджер, села за переговорный стол и как-то странно на меня посмотрела. Потом вошла Аиша, моя помощница, и спросила:

– Чем это ты облилась?

Я опустила глаза: на блузке расплылись два темных круга – молоко просочилось.

Хейя

Апрель

У меня темно-зеленый кабриолет со светлыми кожаными сиденьями, и мне он очень нравится. Побаловала себя.

Кэти ушла с работы раньше меня.

По дороге к машине я вспоминаю, как прошел обед. С какой неприличной жадностью она набросилась на спагетти. Слишком любит поесть. Если не начнет за собой следить, с возрастом ее разнесет. И сосредоточиться ей трудно. Раньше она была собранней.

Дверь у автомобиля тяжелая, но благодаря отличной сборке открывается легко и плавно. Я проскальзываю внутрь, закрываюсь, включаю плеер. Я прослушиваю всех исполнителей четырех рахманиновских концертов для фортепиано, ищу самые качественные записи каждого. Лучший вариант третьего концерта – в исполнении Марты Аргерих в Берлине в 1982 году. Она передает все темные глубины и все неистовство рахманиновской музыки.

Еду домой по мосту Ватерлоо. Люблю смотреть на светящиеся дома, на их отражение в воде. Обожаю суровые мощные контуры Национального театра. В вопросах архитектуры британцы народ отсталый, и это произведение Ласдана[1 - Денис Ласдан (1914–2001) – британский архитектор, представитель брутализма (от франц. *beton brut* – «необработанный бетон»); для конструкций этого стиля характерны мощные объемы и крупномасштабные композиционные решения. – Здесь и далее примеч. пер.] они раскритиковали. Они неправы: его творение переживет критиков.

Архитектура – самая важная вещь на свете. В домах мы проводим всю жизнь: в них мы рождаемся, растем, любим, в них работаем и размышляем – и умираем

обычно в них. Мы умираем, а дома остаются. Они могут болеть, как и мы, но только если архитектор был ленив, или глуп, или скуп. Великим зданиям дана долгая и славная жизнь.

* * *

Сегодня придет Роберт, мой любовник. Секс необходим, он способствует здоровому сну. Никогда не разрешаю Роберту оставаться на ночь. Для него это один из моих капризов, которым он согласен потакать. Роберт очень сексуальный. Мне кажется, его заводит сама мысль, что он приходит ко мне именно для секса, а потом должен уйти. Перед уходом он никогда не моется, просто одевается и уходит. Говорит, что ему нравится ощущать на себе мой запах, когда он приходит домой.

Роберт – американец и недавно выучился на психоаналитика. Не могу представить себя в качестве его пациентки. Он слишком искренний. Любит нравиться людям и не сможет, по-моему, достичь той степени равнодушия, которая нужна выдающемуся специалисту. В профессию он пришел поздно. По его словам, возраст для психоаналитика – преимущество. Чем старше, тем лучше. Можно работать хоть в восемьдесят лет. Он и не представляет, как больно мне было это слышать. Кожа у него с оспинами, губы полные. В первую очередь замечаешь его глаза – карие, с густыми, как у ребенка, ресницами. Роберт всегда старается меня разговорить, хотя и не напрямую. Он редко задает прямые вопросы. Нет, он скажет, например: «Когда я упомянул о смерти своего отца, ты загрустила». И ждет, пока я нарушу повисшее в воздухе напряженное молчание. Ждет от меня откровений, а я молчу. В самом начале наших отношений, раздосадованный моей скрытностью, он спросил, не подвергалась ли я психоанализу.

– Нет, а что?

– Ты всегда слушаешь с таким видом, словно пытаешься интерпретировать мои слова.

– Все так делают. Отфильтровывают информацию, разве нет?

– Так делают люди, которые долго подвергались психоанализу и привыкли все интерпретировать, словно наши переживания – это код, и его нужно расшифровать.

– Никогда не ходила к психоаналитику.

Я сказала неправду. Когда моя депрессия стала невыносимой, я вышла на очень известного психоаналитика Арво Талвела. К нему записывались на два года вперед, и с улицы попасть на прием было нереально. Я ему написала в конфиденциальном порядке, объяснила свое положение, и он сразу согласился меня принять – позвал к себе в клинику в центре Хельсинки. Похоже, слава имеет некоторые преимущества. Когда я пришла, он открыл дверь и жестом пригласил меня войти. Лицо у него было умное и безжалостное. Серые глаза внимательно меня изучали.

– Пожалуйста, садитесь, Хейя.

Я оглядела комнату: большие красивые окна, книги от пола до потолка, дорогой ковер и кушетка, у изголовья – стул.

– Значит, вы не уложите меня на кушетку? – воинственно спросила я.

– У меня люди ложатся на кушетку, когда сами захотят.

– Я – никогда не захочу!

Стоя посреди комнаты, я смотрела на прекрасную вазу голубого стекла. Доктор проследил за моим взглядом и понял, до чего мне хочется взять ее и стукнуть об пол, чтобы она разлетелась вдребезги. Мною владела ярость.

Мы сражались несколько месяцев, а потом я его полюбила. Это было не то, что психоаналитики называют переносом; это была любовь.

* * *

В Великую пятницу Роберт купил нам билеты на «Страсти по Матфею» в церковь Святого Георгия на Ганновер-сквер. Он заехал за мной и отвез в церковь. У дверей собралась очередь. Английский средний класс: сплошные чиновники, библиотекари и присяжные поверенные. Мы были чуть ли не самыми молодыми.

Двери распахнулись, и Роберт повел меня к отгороженным местам на галерее. Кресла показались мне не слишком удобными, а ведь оратория длится около трех часов. Музыканты настраивали инструменты; затем шум стих, и появился почтенный седовласый каноник, следом за ним шел дирижер.

Каноник поднялся на кафедру и попросил всех выключить телефоны и не аплодировать, потому что это не только представление, но и церковная служба. Сев, он почти скрылся за высокими резными стенками кафедры. Тяжелая черная риза с золотым шитьем будто прижимала его к земле.

Сквозь прозрачные стекла высоких сводчатых окон лился солнечный свет. Я любовалась тенями от оконных переплетов, ползущими по каменным аркам. Исполнитель партии Христа был великолепен. Голос – незабываемый. А вот сопрано мне показалось резковатым.

Через два часа был перерыв, и я с радостью поднялась. Мы пошли в машину Роберта, и он достал сэндвичи с лососем, шампанское и два бокала. Откупорил бутылку, налил мне.

– Ты обо всем позаботился, – сказала я. – Спасибо. А ты веришь во все это?

– Ты о чем?

– О воскресении, о спасении, загробной жизни.

Он жевал сэндвич.

– Не верю. Религия – свидетельство человеческого тщеславия.

– Тщеславия?

- Мы не в силах понять всего, а абсолютная уверенность предстоящей смерти не дает нам почувствовать себя царями мироздания.

- То есть смерть - великий уравниватель?

- Великий усмиритель.

- Меня это не усмиряет.

- Тот, кого ты любила, умер? - спросил он ласково, но глаза блеснули любопытством.

- Двоюродная бабушка, давным-давно.

- Ты ее очень любила?

- Да, любила. Таня была удивительная. Она была прекрасной певицей.

Он кивнул, ожидая новых подробностей. Я смотрела в окно.

- Она исполняла эту арию и пользовалась большим успехом. Таня говорила, что у меня тоже хороший голос, и обещала научить петь. Она всегда была со мной терпелива...

- Так она умерла довольно молодой?

- Да, совсем еще молодой.

Вторая часть длилась дольше, чем я ожидала. Перед продолжением оратории каноник произнес великопятничную проповедь. Удивительно, что Роберту нравится такая музыка. Я-то с детства много просиживала на больших музыкальных представлениях. Слышала однажды и Танино исполнение - она очень красиво пела в этой оратории. Я не ожидала, что Роберту так сильно понравится. Наконец прозвучали последние слова.

Каноник попросил нас встать и спеть гимн, и на этом все кончилось. У выхода я взяла Роберта под руку. Похоже, ему это доставило удовольствие. Мы двинулись вниз по каменным ступеням навстречу вечерней прохладе.

Кэти

Май

Я на работе уже три недели. Устаю смертельно; такое впечатление, будто мир отгородился от меня какой-то оболочкой – мягкой и плотной, и мне никак ее не преодолеть. Я как-то читала статью про одну энергичную даму из Нью-Йорка, которая через две недели после рождения первенца вышла на работу и просто из кожи лезла, побивая все рекорды производительности. Неужели такое бывает?

Почему я вообще пошла на повышение? Потому что наш журнал – самое престижное в Британии издание об архитектуре, и потому что Филип Парр пригласил меня домой и дал понять, что если я согласна, должность практически за мной. Только, я уверена, он представлял меня той, прежней Кэти. Я тогда сказала себе – ты об этом столько лет мечтала, если не воспользуешься шансом, будешь потом жалеть. Я даже не подумала, как трудно работать на всю катушку, когда у тебя маленький ребенок.

Кое-как я протянула день в редакции. Вечером, когда Билли уснул, я клевала носом над супом и салатом, Маркус сказал:

– Иди ложись, ты еле живая. Я сам уберу.

Благодарная, я вытянулась на нашей огромной кровати, радуясь перспективе наконец отключиться... и проспала часов пять с половиной – самый долгий непрерывный сон за последние месяцы. Не знаю, почему я проснулась. Маркус лежал спиной ко мне и крепко спал. Я обняла его. Грудь у него поросла шелковистыми волосками, живот – совершенно плоский. Маркус пошевелился, но не проснулся. Электронные часы показывали два пятьдесят семь. Я встала и

пошла проверить Билли. Несколько дней назад мы устроили его в отдельной комнате, и я все никак не привыкну. Комнатка уютная, самая светлая в квартире.

Мы живем неподалеку от Бейкер-стрит, в доме постройки тридцатых годов. Такой старомодный дом, с длинными коридорами на площадках, в комнатах полно лишних углов, и, хотя потолки довольно высокие, квартира не слишком светлая, кто-то, пожалуй, сказал бы – мрачная. Никак не соответствует представлениям современных архитекторов о жилище нового типа. Тетя Дженни, сестра моего отца, прожила здесь лет двадцать, а потом уехала в Корнуолл и передала мне аренду и бо?льшую часть мебели. Она мне этим очень помогла, можно сказать, вернула все на свои места. Мне негде было жить. Мы окончательно расстались с Эдди; он сделал очередную безрезультатную попытку бросить пить. Нужно было уносить от него ноги.

Пусть квартира и не очень, но я ее люблю, потому что мне здесь уютно и спокойно: толстые стены не пропускают уличных шумов.

Билли спал блаженным сном – на спине, раскинув ручки. У него славные толстые щечки – так и хочется зацеловать. Когда он родился, меня переполнила исцеляющая любовь, и я поняла: все наладится. Стоило взять его на руки, боязнь не справиться с ребенком сразу улетучилась.

* * *

С Маркусом мы познакомились на конференции архитекторов в Ньюкасле. Наша группа обсуждала реконструкцию зданий. Он четко и выразительно аргументировал свои взгляды. Ему явно не нравился руководитель нашей группы – именитый архитектор, за плечами которого была долгая и успешная реконструкция Ист-Энда. Он сколотил на этом целое состояние, и теперь у них с Маркусом разгорелся спор о социальной ответственности архитекторов. Маркус говорил, что цель архитектора – улучшить жизнь для возможно большего числа людей, а не только обеспеченных. Нельзя создавать гетто для бедных и гетто для богатых: сообщества должны быть смешанные. Он побеждал в споре, и большинство группы оказалось на его стороне. Председатель, видевший, как я строчу в блокноте, попросил меня подготовить отчет о дискуссии. Потом мы все пошли пить кофе – кроме Маркуса: он остался что-то писать. Через пятнадцать минут подошел ко мне и протянул листок, на котором с потрясающей ясностью и

логикой изложил свои аргументы.

- Для вашего отчета, - пояснил он.

На него нельзя было не обратить внимания - широкое красивое лицо, выразительные синие глаза, тонкий прямой нос. Его записки, наверное, были некоей проверкой, которую, видимо, я прошла: после конференции он нашел меня и спросил:

- Можно я вам как-нибудь позвоню?

Первое свидание Маркус назначил в пабе под названием «Сын вдовы» - шумном и веселом местечке. Сам он жил неподалеку. Мы сидели в уголке у окна, и Маркус кивнул в сторону бара:

- Смотрите. Видите вон те булочки с крестом?[2 - Булочки с изображением креста, которые едят в Великую пятницу и во время Великого поста.]

С потолочной балки свисало множество булочек на разных стадиях свежести и окаменелости. Некоторые были пышные и блестящие, другие сморщились и усохли. Всего их там висело больше сотни.

- Каждый год добавляется одна булочка, - сказал Маркус.

- Как удивительно...

- Традиция. У первой владелицы паба, бедной вдовы, единственный сын ушел в море, и его ждали к Пасхе. Она оставила ему одну булочку, но его все не было. Вдова ждала, ждала, а он так и не вернулся. Она не смирилась с его гибелью, и каждый год пекла булочки и одну оставляла ему. Думала, пока она их печет, есть надежда, что сын вернется. Со временем их накопилось много.

- Трогательная история.

- Да. Когда вдова умерла, новые хозяева не стали нарушать обычай. Каждый год в Великую пятницу какой-нибудь моряк подвешивает очередную булочку.

– А они тут не плесневеют?

– Как ни странно, нет. Видимо, из-за специй – только темнеют и черствеют.

* * *

Во второй раз Маркус устроил мне экскурсию – показывал свои любимые здания в Ист-Энде. Ему нравятся промышленные постройки, те, которые возводят с конкретной целью: пакгаузы, типографии, зернохранилища. Теперь их превратили в дорогие жилые дома. Маркус с удовольствием разглядывал вместе со мной викторианскую кирпичную кладку, облицовочную плитку и замечательные трубы.

После трехчасовой прогулки и разговоров мы опять зашли в паб, уже другой. Меня покорила неподдельная любовь Маркуса к зданиям. И еще ему очень шли черная кожаная куртка и джинсы. В пабе мы сидели рядом, наши бедра соприкасались. В такую минуту – когда впервые касаешься человека, который тебе нравится, – всегда испытываешь волнение и смущение. И радуешься. Вечер пролетел быстро.

Маркус, видимо, проводил много времени в одиночестве, работал у себя в квартире – просторной и практически пустой, – или гулял вдоль канала. Он вырос в Хельсинки, и в Лондоне у него почти не было друзей. Думаю, я несколько скрашивала его существование. А сама я, после постоянных взлетов и падений с Эдди, с Маркусом чувствовала себя спокойно, и мы стали встречаться.

* * *

Через полгода после нашего знакомства я забеременела. Это в мои планы не входило, и я пребывала в шоке. Маркуса новость тоже ошеломила, причем настолько, что я провела еще один тест. В то субботнее утро он явился небритый и вообще выглядел так, словно всю ночь не спал. Я купила тест подороже, чтобы не сомневаться. Пока мы ждали результата, я приготовила кофе. Через десять минут позвала Маркуса в ванную и показала пробирку, на дне которой темнел красный круг – знак положительного результата. В ванной у меня прохладно; не оттого ли Маркус дрожал?

- И как теперь быть? - спросил он наконец.

- Нам нужно время, чтобы все обдумать. Сейчас мы оба растеряны.

- Но ты сама как к этому относишься?

- Ну... я рада, что вообще могу забеременеть, и немного испугана, потому что это случилось. А ты?

- Я сражен. Не ожидал...

Мы пошли на кухню и сели за стол. Меня охватило чувство вины.

- Еще кофе?

- Да, пожалуйста.

На кухне у меня уютно. Я бы там весь день просидела - за выскобленным добела старым деревянным столом.

Я ополоснула кофеварку, но тут Маркус поднялся.

- Я сам сделаю, - сказал он.

- Господи, да рано еще меня опекать!

- Я просто хотел приготовить покрепче...

Увидев пакет с покупным молотым кофе, он нахмурился и стал ложкой насыпать его в кофеварку и утрамбовывать.

- Значит, ты намерена рожать? - спокойно спросил он.

- Почему ты так решил?

– Ну, это твое замечание, что тебя еще рано опекать...

– А.

Когда он ушел, я медленно бродила по комнатам и смотрела на все совершенно новыми глазами.

Удивительно все обернулось. Эта квартира была лишь моим убежищем, моей тихой гаванью, а теперь станет отличным домом для моего малыша – просторная, старомодная, уютная. Я вдруг поняла: хочу ребенка. Родителям сразу говорить ни к чему, буду несколько недель тихо лелеять эту мысль, пока не свыкнусь.

У Маркуса есть какая-то пуританская жилка, он старается обходиться лишь самым необходимым. Вообще, хороший кофе – чуть ли не единственная роскошь, которую он себе позволяет. Через пару месяцев после того, как мы решили оставить ребенка, он переехал ко мне, и я увидела, как мало у него вещей. Там, в Ист-Энде, он, наверное, жил как монах в келье. Вот его имущество: древний «Сааб», хороший чертежный стол, тумба для чертежей, множество коробок с книгами, снаряжение для дайвинга и несколько рубашек – прекрасного качества, но отнюдь не новых.

Во время моей беременности мы отлично ладили. Мало куда ходили. Маркус работал над проектом и говорил, что нам нужен покой, а я радовалась обретенной семейной идиллии. Эдди, если сидел дома два вечера подряд, начинал мучиться от клаустрофобии Тащил меня куда-нибудь, где собираются его приятели и где он станет душой общества. Слишком часто мы возвращались домой поздно и навеселе. Теперь моя жизнь совершенно изменилась. Во время беременности я алкоголя в рот не брала, научилась готовить здоровую пищу и радовалась.

* * *

Когда я была на шестом месяце, мы с Маркусом отправились отдохнуть на мыс Портленд, в Дорсете. Наверное, это были самые счастливые наши дни, хотя и провели мы их в унылом, продуваемом насквозь месте. Я заметила, что Маркус вообще любит суровые прибрежные ландшафты – мыс Портленд, Спурн, Селси...

Он не терпит ничего слишком живописного, приторного. И вот он возил меня, уроженку Англии, по таким местам, куда мне и в голову не пришло бы поехать. Мы остановились в деревне Саутвелл, ночевали и завтракали в гостинице, а в первый день пошли вдоль берега к мысу Портленд. Было прекрасное июньское утро, дул легкий бриз; я чувствовала себя отлично, беременность протекала хорошо. По дороге нам попалась кондитерская лавочка. На витрине рядами выстроились стеклянные банки под старину, наполненные конфетами.

- Давай купим, - предложила я.

- Противные какие.

- А на вкус - жидкость для снятия лака.

Маркус рассмеялся и попросил у продавщицы разноцветных леденцов, которые она и насыпала в маленький бумажный пакетик.

- Ваша жена легко родит, - сказала она вдруг.

- Правда?

- Я раньше была акушеркой. У вашей жены большие стопы, а такие женщины всегда легко рожают.

- Спасибо.

Этот комплимент нас развеселил. Мы шли вдоль берега к маяку - сверкающей белой башне, опоясанной посередине красной полосой. Кругом обнаженные слои известняка, которые летом украшают трава и розовые цветы. Деревья почти не попадались. Мы сели на траву, и я принялась за леденцы.

- Как хорошо... - произнес Маркус.

- Сейчас, когда солнышко, здесь отлично, а зимой будет ужасно мрачно. Хоть бы одно деревце.

– Что мне нравится – здесь только небо и море, и почти никаких следов человека, если не считать каменоломен. – Он указал на выступающий из моря искусственный утес. – Вот тоже результат добычи камня. На нем выбиты ступени, и можно взобраться на вершину. Местные ребяташки прыгают с него в воду.

– Такая высота! А как ты нашел это место?

– Через клуб дайвинга. Здесь отличные места для ныряния – морские пещеры. Если ты не устала, можем пойти и посмотреть.

– Я полна сил!

Маркус помог мне подняться, и мы пошли смотреть на пещеры среди утесов. Он заботливо поддерживал меня за руку: дорога была не слишком ровная.

Пещеры оказались огромные, гулкие. В воде колыхались зеленые массы водорослей, от них исходил явственный запах гниения. Мы сели перед пещерами, и Маркус, совершенно счастливый, стал кидать в воду голыши.

– Мечтаю когда-нибудь построить дом у моря, – поделился мыслями он.

Ночью я сказала, что у больших стоп есть, как выясняется, и плюсы. И мы смеялись, лежа в комковатой гостиничной постели; я прижималась к Маркусу животом и грела о него свои большие стопы.

* * *

На следующее утро я проснулась в половине седьмого. Маркус, голый, стоял у окна, выходящего на море. Я лежала расслабленная и счастливая, любовалась его широкими плечами и стройными бедрами. Он смотрел в окно, и лицо у него было словно у ребенка, захваченного чем-то необычайным. Мне захотелось снова заняться любовью. Тут он обернулся и поймал мой взгляд.

– Не хотел тебя будить...

– Ты и не разбудил.

Я похлопала рядом с собой по постели, и Маркус, присев, стал ласково гладить мой живот.

– Тебе нужно больше спать. Я пойду прогуляюсь.

– А я любовалась твоей попкой.

Маркус рассмеялся.

– Держу пари, от женщин у тебя отбоя нет.

Он нагнулся и нежно меня поцеловал.

– Я однолюб. Отдыхай, я вернусь к завтраку.

Пока он торопливо одевался, я думала, что даже теперь, когда мы совершенно счастливы и спокойны, Маркус не желает говорить о прошлом, о том, кто у него был. И я понимала: лучше не давить.

Позже, за завтраком, я набралась смелости и предложила Маркусу переехать ко мне. И он согласился.

* * *

Женщина из кондитерской лавки ошиблась. Рожала я тридцать шесть часов – схватки были слабые. Наконец, чтобы не подвергать опасности ребенка, доктор сделал мне какой-то укол для стимуляции родовой деятельности. Головка у Билли была большая, я сильно порвалась, пришлось накладывать швы.

После рождения ребенка мой характер изменился, причем настолько, что я сама себя не узнавала. Раньше для меня на первом месте стояла карьера, я была очень честолюбива. Хотела непременно стать главным редактором, а в один прекрасный день, может, даже издавать собственный журнал. А после родов что-то ушло. Да, ушла моя решимость добиваться успеха, зато мне открылся

новый мир – мир любви к моему ненаглядному сыночку.

Билли родился в октябре. Перед Новым годом Маркус предложил вместе посмотреть новогодний фейерверк. Билли не исполнилось и трех месяцев, и я так уставала, что вряд ли дождалась бы полуночи. Однако, по его мнению, это было важно – ведь мы впервые встречали Новый год вместе как семья. Я надела на Билли пушистую шапочку и теплый костюмчик и усадила его в детскую переноску, которую Маркус надел на себя. Мы пошли на автобусную остановку на Бейкер-стрит, чтобы поехать в Кларккенуэлл. Там устраивали большой фейерверк.

Пока мы ждали автобус, какой-то старичок на остановке уронил пакет. Внутри что-то разбилось, на тротуар высыпались продукты. Я присела, начала собирать. В пакете оказалась маленькая бутылочка виски – она-то и разбилась. Когда старик это увидел, у него на глазах выступили слезы. Наверное, он приготовил ее для праздничного стола. Я отдала ему пакет, а разбитую бутылку выбросила в урну.

Маркус, видя, в каком состоянии старик, как бы невзначай вынул из кармана двадцатифунтовую купюру и протянул ему со словами: «Позвольте вас угостить по случаю Нового года».

Старичок ужасно обрадовался, принялся благодарить, и тут подошел автобус. Я сидела рядом с мужем и сыном, довольная, что Маркус так поступил – это был прекрасный поступок. Иногда нужно напоминать себе, с каким замечательным человеком свела меня судьба. Мне казалось, я просто счастливица: мне так повезло в жизни...

Хейя

Май

Во время перерыва иногда я еду к ее дому. Мои коллеги придают большую важность совместным обедам. Крепко спаянный коллектив. Не люблю с ними

ходить. Они отправляются в паб на Примроуз-Хилл или в душное и шумное кафе. Когда я только пришла в журнал, Стефани меня то и дело приглашала. Теперь все знают, что во время перерыва я люблю побыть одна.

От работы до дома Кэти меньше десяти минут. Она живет недалеко от Бейкер-стрит. Дом четырехэтажный, из красного кирпича, довольно ухоженный. Жилье респектабельное и уютное, но скучноватое. На улице днем тихо. Рядом стоматологическая клиника, то и дело входят и выходят пациенты. Иногда подъезжают машины – доставка товаров от «Хэрродса» или «Джона Льюиса».

Мне не сразу удалось вычислить их няню. Понаблюдав за домом несколько недель, я все же выяснила, как она выглядит. Молодая женщина, чуть за двадцать. Пару раз я видела, как она выходит из дома и везет в коляске Билли. Наверное, на прогулку или по магазинам.

Сегодня я просидела в машине совсем недолго, когда появилась няня вместе с малышом. Я решила пройтись следом. Вышла из машины, сунула деньги в автомат на стоянке и двинулась за няней. Она остановилась, чтобы положить сумку в сетку под коляской. Девушка невысокая, грудастая. Одета в голубые джинсы, туго обтягивающие круглые бедра, белые кроссовки и светло-голубую майку с белыми пуговками. Она пересекла Мэрилебон-роуд и остановилась на «островке». Там я ее и догнала. Машины неслись в три ряда, дышать было нечем. Проехал мусорный самосвал, оставляя шлейф вони. Он зацепил ветку цветущего вишневого деревца и вызвал целый снегопад лепестков.

Няня склонилась к коляске.

– Ой, Билли, смотри, какая большая машина!

Свернув в боковую улочку, она устремилась прочь от магазинов. Может, там есть скверик? Я держалась в нескольких шагах.

Мы прошли мимо старой церкви и направились к жилому комплексу, состоявшему из четырех десятиэтажных корпусов вокруг покрытой высохшей травой площадки. Их явно давно не ремонтировали. На балконах сушилось белье. На всех этажах торчали направленные в небо черные и белые спутниковые антенны-тарелки. По краю площадки рыскал пес; побегав, он остановился и задрал лапу.

Так это сюда она шла? И зачем? Уверенно толкая коляску, девушка миновала покрытую граффити арку и оказалась рядом с маленькой детской площадкой с качелями и чугунной скамьей. Площадка пустовала. Я не хотела себя выдавать, ведь своих дел у меня тут быть не могло, и наблюдала издали, стоя в тени.

Девушка села на скамью, достала сумку и привела коляску в горизонтальное положение. Подняла козырек, чтобы лицо Билли было в тени. Он уже спал.

Несколько минут она сидела, поглядывая по сторонам. Затем подошел молодой человек – наверное, вышел из какого-то корпуса. Девушка встала, они поцеловались. Он ущипнул ее за ягодицу. Она, хихикая, отпрянула. Оба сели. Девушка протянула ему сигарету, он взял. Парень был смуглый, темноволосый, небритый. Похож на грека. Казалось, он только что проснулся. Они курили и болтали.

Так вот как няня проводит время! Бегает на свидания к безработному дружку. Интересно, знает ли Кэти, что Билли в качестве ежедневной прогулки привозят в такое место? Вряд ли. Она из породы матерей-наседок. Наверняка запрещает курить в квартире и возле ребенка, требует соблюдения режима дня и правильного питания. Доверчивая. Совсем не знает жизни.

Пора было идти. Я вернулась к машине и поехала в офис. Припарковалась на служебной стоянке; рядом из своего здоровенного навороченного «Мерседеса» вылезал Филип Парр. Он подошел ко мне и, как обычно, окинул взглядом сверху вниз.

– Привет, Хейя, как жизнь?

– Спасибо, хорошо. А у тебя?

– Только что с презентации в Институте архитекторов. Они открывают новый веб-сайт, посвященный британским ратушам. Фотографии так себе.

– А кто снимал?

– Привлекали энтузиастов по всей стране – фотографировать местные ратуши. Очевидно, выставили общие требования к стилю, потому что все фотографии

одинаково унылые.

Он придержал для меня дверь, и мы стали вместе подниматься по лестнице.

– Думаю, нам нужно это событие осветить, хотя материалчик и средненький. Порадуем архитекторов. Я поговорю с Кэти.

Наверху мы разошлись. Я пошла к себе, а он – к Кэти. Они с Аишей стояли в коридоре, и Кэти видела, что мы шли вместе. В присутствии Филипа она всегда нервничает.

Когда я села за стол, Стефани повернулась ко мне.

– Обед с начальством? – не устояла она.

– Сегодня – нет, – ответила я.

Пусть теперь гадают.

Кэти

Май

По утрам я обычно хожу через Риджентс-парк. Маркус подвозит меня до Грейт-Портленд-стрит и отправляется в Кларккенуэлл, а я пересекаю южную часть парка. Мне нравится его торжественный вид – фонтаны, клумбы... тихий оазис в центре Лондона. Из зоопарка порой доносятся странные, безумные крики птиц.

Редакция находится на Примроуз-Хилл, и весь путь занимает не больше получаса. Сегодня дул совершенно не весенний ветер, деревья размахивали ветками, как сумасшедшие. Я была без жакета; пришлось прибавить ходу, чтобы согреться. Впереди шел человек с мопсом и лабрадором. Лабрадор, благородного вида, с красивой головой, двигался размашистым шагом. Мопс, по

контрасту забавный, так энергично перебирал коротенькими лапками, что казалось, он не идет, а скачет по дорожке. Я невольно улыбнулась. Наверное, некоторым из нас посчастливилось родиться лабрадорами, а другим приходится быть мопсами и прикладывать много усилий, чтобы не отставать.

Посреди аллеи я вдруг почувствовала, что у меня намокли трусики. Я села на скамейку, нагнулась, чуть раздвинув ноги, и, к своему ужасу, увидела на желтых брюках розоватое пятно. Я все еще кормила Билли, и месячных у меня не было – до сегодняшнего дня. Брюки из тонкого хлопка впитывают влагу мгновенно, и я хорошо представляла, что творится сзади. Я растерялась. Добежать до туалета в парке или добраться побыстрее до работы и там привести себя в порядок? Я решила идти дальше, прикрывая пятно сумкой. Сумка у меня из красной кожи; я словно несла сигнальный флажок. Мне было неловко и стыдно за тело, которое подвело меня.

По аллеям прогуливалась постоянная публика, владельцы собак привычно перекликались, а мне казалось, что все провожают меня взглядами. Последние несколько метров до редакции были очень долгими.

Я пронеслась мимо швейцара, пробежала по лестнице и устремилась напрямик в дамский туалет. Там никого не было. Я сняла брюки и начала смывать пятно холодной водой. Стало только хуже. Я едва не разрыдалась, чувствуя себя ребенком, которому не по силам взрослые дела. Хотелось запереться в кабинке, спрятаться от всех.

Потом я взяла себя в руки и быстро дошла до кабинета. На Аише был длинный черный кардиган. Я попросила отдать его мне и, как только надела, сразу почувствовала себя лучше. Я снова стала взрослой. Нужно было сходить в Хэмпстед – купить новые брюки, а потом зайти в душевую гимнастического зала и переодеться. Нам с Аишей пришлось пересмотреть расписание на утро.

Вечером я рассказала про этот случай Маркусу. Мы сидели на кухне; я готовила на ужин фаршированные перцы и выковыривала зернышки, застрявшие среди внутренних перегородок.

– Не понимаю, почему ты так разволновалась, – заметил он.

Я принялась объяснять:

- Это сродни тому стыду, который испытывает ребенок, когда в садике намочит штанишки. Напоказ выставляется нечто интимное.

- Если бы кто и заметил, то понял бы, что у тебя не вовремя начались месячные.

- Как ты не понимаешь? Ужасно неловко...

Чего я от него хотела? Сочувствия, наверное.

У него удивительные глаза - выразительные и чуть раскосые. Чистейшего синего цвета, словно вода в северных морях.

Он точил нож, изящными и точными движениями водил им по бруску. Маркус всегда и везде на своем месте; он и ножи точит так, что невозможно отвести взгляд. Я принялась чистить чеснок.

- Кто-то сегодня сказал, что Хейя - из нашей редакции - была одним из самых известных дикторов финского телевидения. Хейя Ванхейнен. Слышал о такой?

Маркус проверил остроту ножа на ногте.

- Да, она была ведущей новостей на главном канале.

- Ты никогда не говорил. Почему же она оттуда ушла? В смысле - после такой работы писать для журнала...

Он пожал плечами, поглощенный своим занятием.

- Хельсинки - город небольшой. Не каждого устроит.

- Никогда бы не подумала, что она могла работать телеведущей. Снежная королева.

- В Финляндии ею восхищались.

Я начистила слишком много чеснока – пришлось лишнее выбросить.

– Тем более странно... почему она ушла с такой работы. Я не понимаю, а ты?

Маркус выдвинул ящик и убрал брусок и ножи – каждый в свою ячейку.

Потом довольно резко бросил:

– Тебе не все равно?

– А почему мне должно быть все равно? Все-таки вместе работаем, – стала оправдываться я.

* * *

После моего возвращения на работу Маркус изменился. Нам уже не так легко вместе, и я иногда думаю – может, он хотел, чтобы я сидела дома, с Билли? Но когда я завела об этом разговор, он поддержал мое желание работать. Он стал каким-то отстраненным. Мы все больше молчим, и нарушить молчание все труднее. Мы уже не смеемся вместе, как бывало раньше. Я начинаю нервничать и болтаю, просто чтобы не молчать, а его это еще больше раздражает. На некоторые темы вообще наложен запрет. Маркус никогда не рассказывает о том, как жил в Финляндии, и я ничего не знаю о первых тридцати пяти годах его жизни. Мне ужасно интересно, но давить на него я не могу. Наверное, он в ссоре с родными, потому что никто не приехал на свадьбу.

Почему мы вообще поженились? Я этого не ждала, Маркус сам предложил пожениться – ради ребенка. Чтобы быть свободным, заявил он, нужно знать, какие общественные правила можно нарушать, а какие лучше соблюдать. Не очень-то романтическая причина для женитьбы. Мы просто зарегистрировали брак, к огорчению моей мамы, которая предпочла бы свадьбу в католической церкви со службой. Маркус никогда бы не согласился. Я была уже на большом сроке, и мы пригласили только самых близких друзей и родственников.

Приехали из Лиссабона мама с папой, присоединилась тетя Дженни, и я думала, что будут гости и со стороны жениха, – если не родители, то хоть кто-нибудь из братьев. Однако единственным гостем Маркуса был его товарищ по клубу

дайвинга, с которым он познакомился уже в Лондоне. Интересно, он хотя бы сообщил родителям, что женится? Они ему совсем не писали, даже открыток не присылали. Когда я об этом заговорила, Маркус ловко сменил тему.

* * *

За ужином мы почти не разговаривали. Перцы были отличные, хотя и не мое коронное блюдо, но после его грубости в глазах у меня стояли слезы. Я понимала, что делаю из мухи слона. Просто день выдался тяжелый, а тут еще Маркус дал мне почувствовать себя дурой. Я собиралась рассказать ему про Билли – тот научился вставать на ножки, – но теперь совершенно не хотелось. А Маркус, как всегда, сидел с отрешенным видом.

Сразу после ужина он ушел к себе в кабинет. У тети Дженни это была столовая, только пользовалась она ею редко. Маркус, когда переехал, устроил там рабочий кабинет. Убрал старую мебель, содрал ковер и отшлифовал полы. Стены выкрасил в белый цвет, сделал книжные полки, поставил чертежный стол и тумбу для чертежей. Книг у него сотни; они выставлены на полках строго по одной линии. Получился очень симпатичный кабинет в минималистском стиле. У двери он поставил коричневое кожаное кресло, и иногда, пока он работает, я устраиваюсь в нем и читаю.

Сегодня Маркус, как обычно, сидел в круге света за своим наклонным столом. Я, уложив Билли, тоже пришла. Мне нравится смотреть, как Маркус работает. Он настоящий перфекционист. Я научилась его не отвлекать и просто сидела, правила корректуру и время от времени любовалась мужем. Он настолько концентрируется на работе, что вокруг него словно возникает силовое поле.

Хейя

Май

Кэти – человек привычки. Каждый день приходит на работу с маленьким пластиковым стаканчиком капучино. Красную кожаную сумку носит на плече. Я

видела, как она вынимает ключи от офиса. У сумки два кармашка на молнии, и ключи она всегда кладет только в левый. Отперев свой кабинет, снимает сумку и ставит на нижнюю полку стеллажа, что возле стола. Потом, прихватив стаканчик, выходит к Аише, сидящей за столом рядом с кабинетом. Они смотрят расписание на день, потом Кэти обычно идет в наш отдел. Тут у нас теснятся пять столов, за которыми мы и сидим перед мониторами. По утрам она всегда доброжелательна... жизнерадостна – вот верное слово. Спрашивает, как мы справляемся, старается подбодрить.

Чем больше я за ней наблюдаю, тем больше узнаю.

Сегодня привычный распорядок нарушился. Кэти поднялась по лестнице без стаканчика в руках и устремилась в женский туалет. Несколько минут спустя вышла. Брюки у нее были мокрые и в пятнах, как будто она запачкала их кровью. Бочком она добралась до своего кабинета и суетливо отперла дверь. Я подошла ближе. Аиша заскочила в кабинет и прикрыла за собой дверь. Пару минут они оживленно что-то обсуждали, Кэти жестикулировала. Аиша сняла с себя длинный черный кардиган и отдала Кэти. Та надела его и тщательно застегнула. Вынула из сумки кошелек и бросила ее на обычное место на стеллаже.

Возвращаясь к себе, я услышала ее слова: «Постараюсь побыстрее. Большое спасибо, Аиша».

Она поспешила вниз, едва нам кивнув.

Это был мой шанс. Я подошла к Аише, которая разговаривала по телефону.

– Мне нужно взять «Кто есть кто».

– Конечно, – сказала она, прикрыв ладонью трубку. – Ты знаешь, где он у Кэти?

Я кивнула. Альманах «Кто есть кто» всегда стоит среди прочей справочной литературы на стеллаже возле стола. Я медленно вошла, нагнулась за книгой. Аише не было видно, что я делаю. Я потянулась к красной сумке, расстегнула левый кармашек, вынула ключи, застегнула, опустила ключи в карман своего жакета и вышла из кабинета с книгой в руках. Аиша все еще разговаривала.

Времени у меня было мало. Несколько минут я листала справочник. Затем встала, спустилась по лестнице и вышла на улицу. Редакция находится на Примроуз-Хилл, и поблизости полно дорогих магазинов. Мне не хотелось заходить в ближайшую мастерскую, и я пошла дальше, к скобяной лавочке. Пришлось ждать: мужчина за прилавком вел долгую беседу с какой-то итальянкой. Чтобы не разволноваться, я сделала дыхательное упражнение. Наконец он освободился. Я вынула из кармана ключи.

- Мне весь комплект, пожалуйста. Можете сделать прямо сейчас?

Мастер потыкал в связку пальцем и обещал сделать за полчаса. Я колебалась. Кэти могла вернуться раньше. Тогда придется возвращать ключи потом. А ведь она может весь день просидеть на месте. Впрочем, даже если я не положу ключи на место, она подумает, что сама ошиблась. Ведь она явилась на работу в таком состоянии, что скорее обвинит себя.

Я отдала ключи, вышла, пересекла дорогу. Решила подождать в парке.

День был ветреный, деревья метались во все стороны. Я застегнула жакет. У меня замерзли и онемели пальцы. Мимо спешила молодая мамаша, с плачущим и брыкающимся ребенком в коляске. Лицо у матери было измученное. Ребенок вопил все громче. Казалось, женщина вот-вот не выдержит и отшлепает его, но она только сжала губы и ускорила шаг.

Прошла, ведя собаку, ухоженная дама лет шестидесяти. Собака была нечесаной пегой дворнягой, и я удивилась такому выбору. Видимо, эта дама любит животных. Пришла, наверное, в приют и выбрала самого простого пса, который больше всех натерпелся и которого никто другой не возьмет. А тот смотрел на спасительницу с обожанием, не веря такой удаче.

Я взглянула на часы. Еще пятнадцать минут, и пора идти.

Неподалеку поднимался на холм мужчина средних лет, толкая перед собой женщину в инвалидной коляске. На вершине он остановился, заботливо подоткнул укрывавший ей ноги плед. Пара обменялась парой слов. Женщина, немолодая, грустной не казалась. Мужчина двинулся дальше, стараясь катить коляску ровно и прикрывая ее от порывов ветра.

Когда мне было девять, умерла в возрасте сорока семи лет моя двоюродная бабушка Таня, младшая сестра моего дедушки. Он ее обожал. До того, как ее поразила болезнь – мышечная дистрофия, Таня была известной певицей. Ей пришлось бросить сцену на вершине славы. Эта болезнь оказалась наследственной. Мои предки очень высоко ценили себя и берегли чистоту крови. Редко вступали в брак с чужаками, потому что никто в их небольшом кругу не был достоин семьи Ванхейнен. Обычно они женились на двоюродных сестрах. И Тане пришлось расплачиваться за их спесь.

Голос у нее был исключительный; на Рождество она пела нам гимны и рождественские песенки. Позднее Таня переехала в дедушкин дом, и я помню, как она сидела в инвалидном кресле, всегда с книгой на коленях.

На похороны родители взяли и меня. В то утро отец вошел в комнату, где мы обычно завтракали, сел рядом со мной, погладил по голове.

– Хейя, девочка моя, Таня была особенным человеком, и дедушка ее сильно любил. Ему очень грустно, и я хочу, чтобы сегодня в церкви ты вела себя тихо.

– А почему она умерла?

– Она много лет болела.

– А почему врач ее не вылечил?

– Он пытался. И другие доктора пытались. Дедушка даже отправлял ее в Нью-Йорк, но ей не смогли помочь.

– Почему же?

– Некоторые болезни, милая, неизлечимы.

– Мне нравилось, как она пела.

Тут как раз вошел дедушка. Он нагнулся и поцеловал меня в щеку. В его глазах стояли слезы.

– Да, милая. Таня пела как ангел.

На похоронах мне было страшно. В церкви стоял роскошный гроб. Я знала, что в нем лежит моя бабушка Таня. Мне вспомнился один случай. Как-то летом мы жили у дедушки. Я пошла в сад и устроилась с книгой в густой высокой траве. Солнечные лучи дрожали на страницах, черные буквы ползли по бумаге, словно процессия муравьев. Стоял живой запах земли; вокруг все шелестело, поскрипывало. Я вынула из кармана глиняную мышку, погладила и решила устроить ей домик из блестящих травинок и оставить там мышку на ночь. Я знала, что когда уйду, травинки все равно расправятся.

Тут раздался шорох колес по дорожке. Бабушка Таня ехала прямо туда, где я пряталась. Колеса остановились у земляничной грядки, и я услышала плач. Лежа в траве, на животе, так что сердце билось о теплую землю, я призадумалась. Ведь бабушка – взрослая. Она не хотела бы, чтобы я видела, как она плачет, и если заметит меня, то рассердится. И я лежала, сколько могла. А она все плакала. Потом мне пришлось сесть, чтобы перевести дух, и она, увидев, как из травы вдруг поднимается моя голова, вначале испугалась, а потом робко улыбнулась и поманила меня к себе. Я подняла книгу и мышку и побрела к ней. Таня взяла мою свободную руку в холодные ладони, слегка пожала и сказала:

– Не бойся, Хейя, милая. Слезы иногда нужны. Из них вырастает новая жизнь.

* * *

После гимнов и речей четверо мужчин, и среди них мой отец, понесли на плечах гроб из церкви. Они двигались медленно и с трудом. «Зачем нести его на плечах? – подумала я. – Гораздо удобнее держать руками...»

Мы шли за ними через кладбище до выкопанной в земле ямы. Кучка свежевырытого грунта напоминала человека, накрытого одеялом. Дедушка бросил на крышку Таниного гроба горсть земли. По его лицу катились слезы.

* * *

Я вернулась в магазин, забрала свой новенький комплект ключей, и сил у меня прибавилось.

Вернуть ключи на место оказалось еще проще, чем взять. Аиша такая же доверчивая дурочка, как и Кэти.

* * *

Вечером пришел Роберт. Он ездил в Нью-Йорк, навестить мать и сестру. Войдя, он протянул мне черную коробку, перетянутую роскошной серебристой лентой.

- Увидев, не мог не купить, - сказал он.

Я бережно распаковала подарок. Обернутое в плотную рисовую бумагу, там лежало длинное кимоно из черного шелка. Я развернула его.

- Очаровательно!

- Купил в антикварной лавке. Ему восемьдесят лет. Надень - посмотрим, как оно тебе.

И он помог мне надеть его прямо поверх одежды. У кимоно был большой плотный пояс и широкие рукава.

- Какая прекрасная ткань, - восхитилась я, проводя по ним рукой.

- Тебе очень идет.

- Оно прекрасно. Спасибо большое, Роберт.

- Пожалуйста.

Он обнял меня и стал гладить сквозь ткань кимоно. Потом запустил руки под него. Поднял мою блузку и стал поглаживать бедра. Просунул язык между моих губ, а руку - между ног. Поводил там пальцем, горячо дыша, а потом, оторвавшись от моих губ, вложил его себе в рот. Сомкнул вокруг него полные

мясистые губы и медленно вытащил, пристально глядя на меня. Мне неприятно, когда он так делает, хотя я ни разу ему об этом не говорила и своего отвращения не показывала.

Я часто думаю, что Роберт по-деловому подходит к нашей сексуальной жизни. Дарит мне дорогой подарок и ждет в ответ качественного секса. Я тоже его использую. Он хороший любовник, и после близости я хорошо сплю. Это на несколько часов отвлекает мой разум. Хотя по-настоящему никогда не волнует – так, как было с любимым человеком.

* * *

Следующие два дня во время перерыва я сидела в машине на ее улице. Внимательно разглядывала дом. Мне не терпелось наконец проверить ключи и попасть в ее квартиру. На третий день няня вышла из дома вместе с коляской. Направилась она, по всей видимости, туда же – в тот квартал, к своему приятелю.

Мне точно известно, где именно находится квартира Кэти. Третий этаж, с левой стороны. Первый ключ, от уличной двери, подошел отлично. Бесшумно проник в скважину и повернулся с приятным щелчком. Я толкнула тяжелую дверь. Холл оказался больше, чем я ожидала, – некогда роскошный, а теперь обветшалый. Потолки – высокие, грязновато-кремовые. Вдоль одной стены стоял длинный стол с мраморной столешницей, на которой валялась кучка писем. Вид у них был сиротливый: измятые, с загнутыми краями, они словно ждали людей, давно отсюда съехавших или умерших...

Глядя на свое отражение в огромном не слишком чистом зеркале, я в очередной раз почувствовала, насколько изменили меня депрессия и сеансы у Арво Талвелы. Нет, это совсем не то лицо, которое любил Маркус.

Железная решетчатая дверь лифта открывалась и закрывалась с лязгом. Нужно запомнить. Я поднялась на третий этаж. Второй ключ также подошел идеально. Нажав на ручку, я медленно открыла дверь, ведущую в длинный коридор. Увидела кирпичного цвета дорожку на паркетном полу, лампу с красным абажуром на круглом столике, дальше – несколько дверей.

За первой была гостиная. Меня удивила тяжелая старомодная мебель. Сплошь инкрустированный орех. Узорчатый диван, простая лампа под тускло-золотистым абажуром с бахромой. Что за странная квартира...

Никаких следов Маркуса. Потом я нашла комнату, которая могла быть только его кабинетом. Прямо напротив гостиной: белый бесстрастный интерьер, простой, строгий. Книги, с безукоризненной аккуратностью расставленные на отличных полках. Я их осмотрела. Некоторые он получил от меня. На верхней полке я заметила свой самый первый подарок – альбом со снимками Эрмитажа. Я вынула его, раскрыла. На форзаце моя дарственная надпись с росчерками. За книгу я по тем временам заплатила немало. Потом я вернула ее на полку: Маркус заметит, если она окажется не на месте.

В середине комнаты стоял его рабочий стол с чертежной лампой сбоку. Я потрогала стоящий у стола высокий табурет. Деревянный, приятный на ощупь. Увидев у стены тумбу для чертежей, я подумала, что там, наверное, лежит и план нашего дома, дома, который мы с ним хотели построить. Я опустилась перед тумбой на колени и выдвинула нижний ящик. Мне ли не знать Маркуса. Конечно, он хранит проекты в хронологическом порядке: самые старые – в нижнем ящике, последние – в верхнем.

Большие листы были уложены с особой тщательностью. В нижнем ящике их точно не меньше двадцати. Я очень осторожно их вынула. Отлично помню, с какой маниакальной аккуратностью Маркус обращается со своими работами. Тот чертеж лежал в самом низу. Сколько лет я его не видела... весь исчеркан пометками. Положив лист на стол, я смотрела на чертеж нашего дома. Дома, который Маркус хотел построить для нас у моря, работа молодого и дерзкого архитектора.

Потом я вошла в старомодно обставленную кухню. Кругом щели, углы, полно видавшей виды бытовой техники. У плиты я заметила целую полку кулинарных книг. На подоконнике стояла большая керамическая подставка с облезлыми деревянными ложками разных форм и размеров. На двери висели два фартука. Значит, она часто готовит.

Рядом с кухней обнаружилась небольшая комнатка – ее, как я заключила, кабинет. Маркус никогда бы не устроил такого беспорядка. На маленьком столике рядом с ноутбуком валялись вперемешку ручки и бумажки. На книжных полках теснились книги и стопки бумаг. Тут же стояла переполненная корзина

для мусора. В этой комнатухе мог уместиться только один человек. У меня не было ни сил, ни времени просматривать ее бумаги. В другой раз.

Уже выходя из кабинета, я заметила на внутренней стороне двери пробковую панель, увешанную фотографиями Билли. Кэти снимала, как он растет, с первых дней его жизни. Один снимок сделали еще в больнице: Билли лежал в прозрачном пластиковом контейнере со специальным браслетиком на руке. Были его снимки в ванночке и один во время кормления. У Кэти вид сонно-довольный, блузка распахнута. Наверное, фотографировал Маркус. Сам он был только на одном снимке. Он лежал на ковре, а Билли, в одном подгузнике, – у него на животе. Головку малыш держал высоко – на шее сзади образовались складочки – и смотрел на Маркуса, а тот, прикрывая ему спинку рукой, морщился от смеха. Я отколола снимок и положила в карман.

Мое время подходило к концу. Я быстро огляделась, стараясь запомнить расположение остальных комнат для следующего визита. Заглянула в спальню – и тут громоздкая мебель. У Билли была своя комната с белой деревянной кроваткой и оранжевыми занавесками.

Не могу представить, что Маркус живет в подобной квартире. Не такого я ожидала. И ради Кэти он со всем этим мирится.

Скоро приду снова.

Кэти

Июнь

Я уже начинаю думать, что, родив ребенка, женщины сходят с ума. На прошлой неделе я как-то сидела за кухонным столом, пытаюсь работать, и уснула, положив голову на клавиатуру ноутбука. Маркус, желая мне помочь, сам загрузил в стиральную машину детские вещи. Потом я проснулась с затекшей шеей и стала их вынимать.

– О господи!

– Что такое? – встревоженно спросил Маркус, заглядывая в кухню.

Вместе с беленькими маечками и комбинезончиками Билли он сунул в машину черные носки, и вся одежда стала грязно-серого цвета.

– Ты испортил все вещи. Все испортил!

Мной вдруг овладело совершенно непонятное отчаяние. Я сидела у стола и плакала над кучкой мокрой испорченной одежды. Маркус смотрел на меня, как на безумную.

– Ну извини! Я, наверное, их не заметил.

* * *

Маркус на два дня уехал в Дарем. Фирма, в которой он работает, участвует там в конкурсе, а он возглавляет проект. Городские власти организовали благотворительную лотерею и привлекли спонсоров, чтобы построить большой арт-центр с кинотеатром, кафе, галереей и книжным магазином, – и Маркусу очень нужен был этот заказ.

Я рассчитывала отлично провести два дня вдвоем с Билли, но мне вдруг стало одиноко и тревожно. В квартире что-то поскрипывало, вздыхало. Позвать бы Фиону, мою подругу, но она в Глазго, слишком далеко. Да, вот так станешь редактором – и сразу начинается одиночество. Отношения с коллегами меняются, приходится держаться обособленно. Хейе бы это больше подошло – она всегда сама по себе; я вообще ничего не знаю о ее личной жизни. Она никогда не ходит с другими в бар и обедает в одиночестве... Да, любопытно, – она, оказывается, была известной телеведущей, и странно, что она ушла с телевидения. Маркусу моего любопытства не понять, для него известность и слава ничего не значат.

* * *

Билли проснулся и захотел есть. Какое удивительное ощущение – держать его, сонного, тяжелого, прильнувшего к моей груди. Сначала личико у него было сосредоточенное, затем постепенно смягчилось, ручки и ножки расслабленно повисли.

Когда он уснул, я уложила его в кроватку и пошла в кабинет. На столе была куча бумаг, которые я собиралась просмотреть, но моя решимость разом испарилась. Я пошла в кабинет Маркуса, где всегда чистота и порядок. Достала книгу о Лиссабоне, – я купила ее на прошлой неделе, вдруг заскучав по родителям. Стала перелистывать и наткнулась на фото Вифлеемской башни – по-моему, один из лучших шедевров военной архитектуры. Как хороша и как не по-английски смотрится она под жарким солнцем Португалии... Тут же я прочла, что в 1983 году ЮНЕСКО объявила ее памятником Всемирного культурного наследия. А на следующем развороте было мое самое любимое здание – монастырь иеронимитов, тоже объект наследия ЮНЕСКО.

Мне вдруг пришло в голову, что наш журнал мог бы издать серию вкладышей-путеводителей, посвященных шедеврам архитектуры. Я понятия не имела, сколько их всего, и, вернувшись в кабинет, открыла ноутбук и нашла информацию. В списке оказалось девятьсот шестьдесят с чем-то объектов. Некоторые из них – природные: пещеры, вулканы, барьерные рифы. Плюс всемирно известные здания: Шартрский собор, Акрополь, исторический центр Сиены. Читая список, я даже разволновалась: если мы займемся только европейскими объектами, материала нам хватит на целый год.

Филипа я, конечно же, уговорю. Проект обойдется недешево – нужно будет посетить некоторые места, сфотографировать, а шеф, когда речь идет о тратах, готов биться до последнего. Он обязательно потребует бизнес-план... Зато статьи привлекут много рекламодателей. Воодушевившись, я взялась за наброски плана.

На кухне зазвонил телефон. Это был Маркус, очень веселый.

– Все прошло отлично. Кроме нас остался только один претендент, – сказал он.

– Как здорово! Поздравляю!

– Соперник, правда, сильный. Придется потрудиться.

– У вас все получится!

Я так за него радовалась! О своей идее решила пока не говорить, ведь это его торжество. Хотела сказать, как сильно соскучилась, но Маркус, наверное, звонил из гостиницы, рядом там люди...

– Какие у тебя планы?

– Пообедаем и будем обдумывать нашу стратегию.

– В гостинице?

– Нет, я тут по дороге видел индийский ресторан «Карри парадайз».

Я засмеялась.

– А завтра поброжу по городу. Мне нужно много фотографировать, поэтому останусь еще на ночь.

– Конечно. Я очень за тебя рада, Маркус.

* * *

В Соединенном Королевстве двадцать восемь объектов всемирного наследия. Среди них, как и следовало ожидать, такие как Стоунхендж, Адрианов вал, Кентерберийский собор, город Бат. Есть и менее известные, вроде промышленного ландшафта Блэнавона. В списке оказались Даремский замок и собор, и я увидела в этом хороший знак, – быть может, все еще наладится.

Мы с Маркусом пока только привыкаем к положению родителей и к совместной жизни. Ясно, что сначала трудно. Нужно вести себя спокойно, доброжелательно и никогда не паниковать, к чему я имею склонность.

Я продолжала стучать по клавиатуре, когда в домофон позвонили. На часах – десять. Кто бы это мог быть?

Я заглянула к Билли – не проснулся, – и нажала кнопку в прихожей. Медленно поднялся лифт, и двери со звоном раскрылись. Вышел Эдди.

– Эдди!

– Привет, Кей!

Он мигом обнял меня и поцеловал в губы.

– Я тут шел мимо... Кофе нальешь?

– Нельзя же вот так заявляться! А если бы Маркус был дома?

– Так его нет?

Я с неодобрением посмотрела на него. Эдди был не пьян, от него даже не пахло. Он щурил глаза и улыбался.

– Рад тебя видеть.

– Чашку кофе – и все. Я совершенно измотана, и по ночам я теперь сплю.

Он вошел вслед за мной на кухню и сел за стол. Я в замешательстве взялась варить кофе; господи, меня по-прежнему влечет к Эдди. Его темные кудри были, как всегда, растрепаны. Он явился прямо в рабочей одежде, лицо загорелое, в морщинках от солнца.

– Ну как ты? – спросил он.

– Совсем без сил. Никогда в жизни так не уставала. Тяжело и работать, и ребенком заниматься.

– Да ладно, крепись. У моей мамы нас пятеро было.

– Она, конечно, супер. Только вряд ли она еще и редактировала журнал! – резко заметила я.

- Верно.

Эдди обезоруживающе улыбнулся, и мое раздражение как рукой сняло. Он просто меня дразнил, как и раньше.

- Значит, семейная жизнь оказалась не сахар?

Я поставила перед ним чашку кофе.

- Так, хватит подкалывать. Расскажи лучше про себя. Как дела?

Его улыбка погасла. Он подался вперед.

- Скучаю по тебе.

- Ох, Эдди...

- Я не пью. Уже три месяца. Знаю, ты со мной натерпелась.

- Я не могла выносить этот бардак. Мне было плохо.

- Знаю.

- Ты мне не чужой. И всегда будешь... Но теперь у меня есть Билли.

Эдди поморщился.

- Я чертов дурень. Безднадежный случай.

Его самобичевание всегда меня разоружало. Уже не раз мы разыгрывали подобные сцены; мне следует быть тверже.

- Как на работе?

- Все нормально, скучать не приходится. У меня теперь есть помощник. Обучаю его.

- Здорово. Учитель ты прекрасный, - тепло сказала я.

Эдди - садовник от Бога; любой захудалый палисадник превратит в потрясающей красоты оазис. К сожалению, работа у него не постоянная.

- Ты такой крепкий раньше не варила... Я теперь еще и парковым дизайном занимаюсь.

- Хорошо. Тебе всегда это больше нравилось.

- Мне паршиво... - пробормотал он, склонившись над чашкой.

Я не ответила: сказать было нечего.

- Надеюсь, горячий финский парень тебя не обижает?

Он выжидательно смотрел на меня. Я не выдержала взгляда его зеленых глаз. Говорить с ним о Маркусе не стоило.

- Билли хочешь посмотреть?

Мы пошли в детскую и стали смотреть на моего сына.

- Чудный парень. Не пойми превратно, Кей, но твоего в нем ничего.

- Ты прав. Он вылитый Маркус.

Билли шевельнулся, ресницы у него дрогнули; малыш открыл глаза и протянул ко мне ручки. Я подняла его, теплого, сонного, и он начал хныкать.

- Давай я, - предложил Эдди.

Я отдала ему Билли, и он стал ходить с ним по комнате и тихонько баюкать, пока тот не уснул. Я видела его взгляд и испытывала ту же боль – сложись все иначе, это мог быть наш красавец-сын.

Эдди заботливо уложил его в кроватку и прикрыл одеялом.

– Где ты так научился?

– Часто нянчился с младшими.

Он загрустил. Наверное, понял, о чем я думаю.

Крепко обняв меня и чмокнув в шею, Эдди быстро ушел, а я стояла у двери, вспоминая наши лучшие времена. Когда-то я его любила. Много лет любила. Нам было очень хорошо. Помню тот давний вечер, когда я вернулась домой после первого дня в журнале, куда меня взяли писать очерки. Я так волновалась: наконец-то я вошла в журналистику! Эдди всю квартиру завалил цветами, приготовил мясо по-ирландски. Он повторял, что мной гордится, что знал – у меня получится.

Опомнившись, я запретила себе грезить о прошлом. Три месяца без алкоголя – а потом все начнется заново. Периоды трезвости у Эдди были недолгими.

Хейя

Июнь

Я слышала, как она говорила Аише, что Маркус уехал в Дарем. Значит, они с Билли остались вдвоем. Когда я приехала на ее улицу, уже стемнело.

Я вышла из машины и заняла удобное место для наблюдения за домом. Ключи были у меня в кармане.

В некоторых комнатах горел свет. По моим подсчетам – в кабинете Маркуса, в детской и на кухне. Сама она возилась на кухне. Потом я увидела в детской мужчину, который держал Билли на руках!

Стоило мужу на два дня уехать, как она привела приятеля! И он берет на руки ребенка! Я просто взбесилась. Было поздно, почти одиннадцать. Кто же это такой? Почему она позволяет ему держать Билли? Он отошел в глубь комнаты. Я приросла к месту и не сводила глаз с окна.

Через несколько минут отворилась тяжелая входная дверь, и мужчина вышел. Я двинулась за ним. Хотела хорошенько его рассмотреть. Кудрявый, одет в джинсы и простую клетчатую рубашку, на ногах – рабочие ботинки. У кассы метро на Бейкер-стрит он стал покупать билет, и тут я его разглядела. Около тридцати пяти, лицо обветренное – кто же он? Он стал спускаться, а я вернулась к машине.

На следующий вечер я оделась потеплее, хотя было не холодно. Я всегда мерзну. Надела белые кожаные сапоги на шнуровке с мягкой подошвой. Из дома вышла в одиннадцать и решила поехать на такси. Дошла вдоль реки до Блэкфрайарского моста. Река в этом году обмелела, на ржавых опорах моста виднеются зеленые прошлогодние следы от воды, на берегу обнажилась полоса гальки. Сколько раз долгими воскресными вечерами я стояла у окна и смотрела, как дети вместе с родителями открывают для себя этот новый пляжик, слушала их радостные возгласы при виде обломка глиняной трубки или старого корабельного гвоздя.

Из такси я вышла через улицу от ее дома. Последние две недели непрерывно дул сильный сухой ветер. С деревьев частично облетела молодая листва. Сегодня ветер стих, а на улицах остались листья. Серые листья, увядшие до срока, устлали мой путь. Это неправильно. Мертвые листья принадлежат ноябрю, а сейчас июнь.

Я дошла до ее дома и посмотрела на окна. Свет горел в двух: лампа за светло-оранжевыми занавесками – в комнате Билли, другая – в спальне. Через несколько минут свет в спальне погас. Нужно подождать хотя бы полчаса, чтобы она наверняка уснула. Я пошла в паб на углу Бейкер-стрит, взяла себе апельсинового сока. Пить его не стала.

Минуты убегали. Моей выдержке и силе духа предстояло большое испытание.

Я вернулась. Свет горел только в детской. На этот раз, помня о шумной двери лифта, я поднялась по лестнице. Из других квартир не доносилось ни звука. Дом – добротный построенный, с толстыми стенами и дверьми. У нее в спальне темно, значит, остается предположить, что она уснула. Открыв дверь в квартиру, я остановилась в прихожей и внимательно прислушалась. Было тихо. Из детской лился теплый свет. Именно его я и видела с улицы – ночник в форме большого желтого цветка. Мальчик спал в своей белой кроватке. Над ним покачивалась подвеска – серые чайки с оранжевыми клювами. Я наклонилась и несколько минут разглядывала Билли. Волосы у него светлые и густые. Маленький Маркус. Настоящее дитя севера.

Потом я осторожно прошла в их спальню. Глаза не сразу привыкли к темноте. Здесь витал запах ее духов, слабый, но стойкий. Постепенно я начала видеть. Окружающие предметы стали принимать форму и текстуру.

Прямо за дверью стоял комод, а на нем деревянная ваза, полная флакончиков и украшений. Кровать была двуспальная, огромная. Кэти спала с левого края, на животе. На прикроватном столике лежала раскрытая книга, а рядом светились жуткими красными цифрами электронные часы.

Я старалась запомнить каждую деталь, чтобы потом, лежа в собственной постели в пяти милях отсюда, мысленно видеть, как проходит их жизнь. Когда я совсем подавлена, я представляю его вместе с ней – здесь, в пустоте ночной тьмы. Это придает мне решимости. Я могу действовать, могу строить планы. Мой разум на страже. Моя воля сильна.

Я подошла к изножью кровати. Лицо Кэти было повернуто к часам, одна рука лежала поверх лоскутного одеяла. Она спала в белой хлопковой сорочке – с кружевами вокруг горловины и на рукавах; подражание викторианскому стилю. Маркус такую не мог купить. Он не выносит подражаний ни в каком виде. На кровати лежала стопка детских салфеток. Я прихватила одну.

* * *

Мне было восемнадцать, когда я встретила Маркуса. Ему – девятнадцать. Мы учились на первом курсе Хельсинкского университета. Я изучала историю искусств, Маркус – архитектуру. Мы оба попали в киноклуб на просмотр «Невесты Франкенштейна». Такие клубные просмотры еженедельно проводились в зале биологии. Помещение было неудобное: сидели на жестких наклонных деревянных скамьях, упираясь локтями в узкие деревянные парты. На передней стене располагался большой экран. Каждый четверг какой-нибудь энтузиаст из киноклуба крутил нам классику на шестнадцатимиллиметровке – исцарапанной и потрескавшейся.

Началась «Невеста Франкенштейна». Громовые аккорды музыки и первые кадры: над зловещего вида домом, притулившимся на утесе, бушует страшная буря. У окна стоит молодой человек, одетый в романтическом стиле, и любуется грозой. Как раз когда он отвернулся от окна, кто-то подошел к моему ряду. Я люблю сидеть с краю и подвинулась очень неохотно. Пришедший шепотом поблагодарил, пристроил на парту огромную папку и сел.

В некоторых местах бо?льшая часть публики смеялась. Я не могла понять, над чем. В фильме было много жестокости, а монстр выглядел достойнее своих преследователей. Наконец пошли титры, и замигал резкий свет флуоресцентных ламп.

Я нагнулась за сумкой, и тут мой сосед сказал:

– Подходящее местечко, чтобы смотреть такое кино. Как по-твоему?

Вид у меня, наверное, был озадаченный.

– Здесь бы доктору Франкенштейну экспериментировать. – Он кивнул на диагностический стол и раковину для мытья рук.

– Да, пожалуй...

– Меня зовут Маркус. Можно я угощу тебя кофе?

– Хейя.

Мы пожали друг другу руки.

- Здесь есть где посидеть?

Мы побрели по ночной прохладе в кофейню, нашли столик в уголке. Я сняла перчатки. Даже в них у меня замерзли руки.

Маркус принес два кофе и бутерброды с ветчиной и сел, в упор глядя на меня. А я разглядывала свою фиолетовую с голубым юбку, натягивая ее на коленки.

- Сегодня снег пойдет. - Я положила в кофе сахар и грела о чашку пальцы, чувствуя себя полной дурой.

- Тебе кино понравилось?

- Да. Только грустное. Почему все смеялись? Там же нет ничего смешного.

- Были отдельные моменты.

- Мне понравился монстр, а вот его преследователи - нет. Беднягу отвергла даже невеста, которую создали специально для него. Его последняя надежда найти общий...

- И он уничтожил и ее, и себя - мы принадлежим смерти... Ты что, есть не хочешь?

- Нет, спасибо.

- Если тебе нравятся классические фильмы, то их каждую пятницу показывают по главному каналу.

- Не люблю смотреть кино по телевизору. Лучше на экране.

- Я так и думал, что ты девушка разборчивая.

- Почему же?

– Вижу, как ты заплетаешь волосы...

С того вечера мы были вместе девять лет.

* * *

Я еще раз окинула взглядом захлавленную комнатушку: чтобы все просмотреть, понадобится время. Расхаживая здесь, по ее дому, я чувствовала, как у меня прибавляется сил. Я намного сильнее ее. Прежде чем уходить, я еще раз зашла в спальню. Она так и спала, и не проснулась, когда я подошла вплотную к кровати. Я смотрела, как поднимается и опускается ее грудь; ее лицо выглядело по-детски пухлым.

Кэти

Июнь

В то утро я собиралась изложить свои идеи насчет путеводителя Филипу Парру и Виктории. Она у нас руководит отделом рекламы и маркетинга. Носит обтягивающие костюмчики и заигрывает с Парром; не знаю, имеет ли она на него влияние. Он ведь известный ловелас. Впрочем, у нас с ней нормальные отношения. Я хорошо подготовилась и приехала пораньше. Парр заставил нас прождать у него под дверью десять минут, и я успела показать Виктории планшет с примерным макетом статьи о Сиене – текст и иллюстрация. Излагая свою идею ей, я ничуть не волновалась, но как только Филип позвал нас в кабинет, сердце у меня ушло в пятки, в горле пересохло. Он встал, не выходя из-за стола, указал нам на стоящие рядом стулья – шикарные и неудобные. Сам сел в вертящееся кресло, откинулся на спинку и дал мне десять минут.

Я протянула ему макет, над которым трудилась несколько часов.

– В Европе больше трехсот восьмидесяти объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, и среди них есть величайшие шедевры архитектуры. Именно эти

здания люди стремятся увидеть в заграничных поездках. Приятно, вернувшись домой, рассказывать, что посетил такое интересное место. Я предлагаю издавать простенький путеводитель, который поможет людям лучше понять и оценить эти здания. Информацию нужно подкрепить эффектным визуальным рядом. Часть фотографий закажем, другие возьмем из доступных источников. Дадим основные сведения по истории объекта и архитектурному стилю. Будем выпускать статьи на вкладках в течение года. Качество должно быть безупречное – тогда читатели будут собирать их и хранить.

Филип несколько минут разглядывал макет.

– Отличная мысль, Кэти, только это будет дорого стоить. Командировки, оплата гостиницы. Придется платить и за фотографии, и за статьи.

Такие возражения я предвидела.

– Можно привлечь местных фотографов. У меня есть связи по всей Европе, очень хорошие специалисты. А статьи напишут наши сотрудники, в качестве основной работы. Я составила примерный бюджет, и, думаю, доход от рекламы превысит затраты.

Я дала ему лист с расчетами и копию Виктории – следовало привлечь ее на свою сторону. Филип долго изучал листок. Когда он погружается в мысли, лицо у него вытягивается, а губы как-то неприятно сжимаются. Мне он никогда не нравился. Про таких говорят: «настоящий руководитель», подразумевая изворотливость и властность.

Молчание затянулось, и я начала на себя злиться. Вечно я слишком стараюсь. Незачем было усердствовать. Нужно вообще относиться ко всему спокойнее.

Наконец шеф положил бумагу на стол, но еще потянул время – обратился к Виктории:

– Что думаешь?

– Потенциал тут большой. В списке есть дивные места. Думаю, мы получим много рекламы. Ну и хранить такие журналы будут дольше. Я, наверное, смогу

сделать привязку к какому-нибудь воскресному приложению. Конкурс – что-то типа «Выиграйте поездку в древний город Сиену».

– Посылать людей на каждый объект необязательно, – заметила я, надеясь окончательно его дожать. – Будем брать материал и из других источников.

– Что же, мысль хорошая. Нужно перепроверить цифры. В принципе я склонен согласиться. Сделай презентацию для заседания правления. Они захотят быть в курсе, и еще придется убеждать их по поводу затрат.

– Разумеется, Филип, с удовольствием все сделаю.

Шеф у нас прижимистый, и это была настоящая победа. Мы вышли вместе с Викторией.

– Отлично, Кэти, – сказала она. – Повезло твоей команде.

– Да, и хороших объектов много, на всех хватит. Спасибо тебе за поддержку; я действительно очень благодарна.

Остаток дня я пребывала в эйфории. Сообщить своим я пока не могла, ведь Филип еще не дал окончательного согласия, и мне не хотелось, чтобы преждевременная болтовня о путеводителе отпугнула удачу. Настроение у меня было отличное, и я решила всех угостить кофе с ванильными и клубничными пирожными из ближайшей кондитерской. И Викторию не забыла. Мы с Аишей сидели у меня в кабинете и наслаждались нежнейшими пирожными с масляным кремом. Я рассказала ей по секрету о нашем с Филипом разговоре.

Почти до вечера я делала наброски для проекта. Идеи шли косяками. Объектами в Португалии я решила заняться сама. Мы с Маркусом сможем отправиться в давно задуманное путешествие в Лиссабон, к моим родителям, и там я покажу ему свои заветные места.

* * *

Домой я пришла раньше Маркуса, и, услышав звук ключа, бросилась в прихожую. Мне не терпелось рассказать новости.

- Филип согласился! Дело пошло!

- Отлично!

Я ждала, что муж меня обнимет, но он не двинулся с места, и тогда я сама его обняла и предложила:

- Хочешь вина? Отметим...

- Не стоит, мне нужно поработать.

- Ну ладно, а я выпью.

Я пошла на кухню и, не переставая говорить, налила себе вина.

- Он согласился отработать только самые важные объекты. Пришлось пообещать, что для некоторых будем пользоваться архивными материалами, и выходит - победа не полная. Впрочем, когда приступим, кто знает...

- Ты разработала отличную концепцию.

- Спасибо. Я сама вздохнула с облегчением. - Я уже боялась, что иссякла. - Скоро начнем работу с португальскими объектами. У нас будет неделя в Лиссабоне! Такая радость...

Он положил руки мне на плечи, заглянул в лицо.

- Я не смогу поехать.

- Почему?

- Ты знаешь, почему. У меня куча работы с даремским проектом.

- Так это же всего пять дней! Покажу тебе мои любимые места. Пожалуйста, поехали!

– Не могу, Кэти. У меня ни минуты не будет. Ты отлично проведешь время, а родители посидят с Билли.

– Они хотят и с тобой получше познакомиться.

– Извини, придется подождать. Мне предстоит два месяца без передышки работать над проектом.

Маркус был прав. В конце концов, у меня своя карьера, а у него – своя. И все же я заплакала – словно ребенок, которого лишили вожделенного удовольствия. И не могла успокоиться. Стояла перед ним, а по щекам у меня текли слезы; я чувствовала себя дурой, понимая, что мой плач его только отталкивает.

– Это глупо, Кэти. Ты перетрудилась и устала. Тебе полезно будет съездить. Я бы тоже поехал, но не могу. А теперь мне пора садиться за чертежи.

Он пошел к себе, а я долго сидела на кухне и плакала. Потянувшись за салфеткой, я от волнения опрокинула хорошенький зеленый глазированный кувшинчик, который подарила мне на новоселье тетя Дженни.

Плакала я не только потому, что Маркус отказался ехать в Лиссабон, а потому, что было вообще жалко себя... Слишком много за короткий срок произошло событий: окончательный разрыв с Эдди, знакомство с Маркусом, беременность – и рождение моего дорогого мальчика. Конечно, я устала, однако куда больше меня ранило равнодушие Маркуса. Я любила его, мне хотелось, чтобы он был ко мне внимательнее – как во время моей беременности. Ведь связывали же нас какие-то чувства, и они не могли пройти бесследно.

Про мою идею с путеводителем только и сказал: «Отличная концепция!» Не захотел ни обнять меня, ни отпраздновать. Эдди повел бы себя иначе. Сгрел бы меня в объятия, потащил бы в паб отметить успех. И мы оба напились бы... хорошего тоже мало.

Я вдруг вспомнила, как пришла однажды с работы в нашу с ним квартиру, и в гостиной гремела музыка. Эдди валялся на диване и во весь голос вторил приемнику. При виде меня он расплылся в улыбке, и я сразу поняла, что он пьян. Одна рука у него была в крови. Я выключила радио.

- Что случилось?!

- Да этот гад обращался с девушкой как последняя сука, толкал. Ну я ему и врезал.

- У тебя рука...

Я пошла на кухню, отыскала в холодильнике пакет с заморозкой. Потом села на диван, прижала пакет к его разбитым пальцам. Он лишь поморщился - и снова запел. Меня раздирали противоречивые чувства. Я злилась, что он опять выпил и ввязался в драку, и одновременно гордилась - защитил женщину, которую оскорбили. Когда Эдди напивался, то становился агрессивен, но он придерживался старых понятий насчет мужской чести и женщину никогда бы и пальцем не тронул. И мужчин, унижающих женщин, презирал.

Зазвонил телефон. Я попыталась ответить нормальным голосом. Это была Хейя.

- Извини, что звоню на домашний. Могу я завтра взять выходной? И извини, что не предупредила заранее.

Объяснять причину она не стала - в этом вся Хейя. Мне продолжать разговор не хотелось, и я не стала расспрашивать.

- Можешь и домой звонить, ничего страшного. Ты свои материалы к пятнице закончишь?

- Да.

- Тогда бери выходной. Увидимся в пятницу.

Я положила трубку. В дверях стоял Маркус. Почему он смотрел так пристально? Проверил, закончилась ли моя истерика, чтобы войти на кухню? Он подошел к столу и поднял осколки кувшинчика - тот разбился на три части.

- Я могу склеить. Он ведь тебе очень нравится.

- Сможешь? - Я шмыгнула носом.

- Да, края ровные. Будет как новый.

- Спасибо.

Маркус аккуратно завернул осколки в бумажное полотенце.

- Нужно чего-нибудь поесть, - сказал он.

Тут заплакал Билли, и я поднялась.

- Пиццу будешь? Я очень устала.

Когда я вернулась на кухню, Маркус вынимал из морозилки куски рыбного филе.

- Нам нужно поесть как следует, - заявил он.

- Ладно, я приготовлю. Только Билли переодену и поставлю их в духовку. Иди, работай.

Когда мы познакомились, я сразу подумала, что Маркус сильный и уверенный в себе. Как он сокрушил оппонента на той конференции в Ньюкасле! И он очень прямой человек. С ним я наконец-то почувствовала себя как за каменной стеной. Маркус - порядочный, но притом практичный и не дает себя в обиду. Однако у его силы есть обратная сторона. Он неподатлив и самоутверждается, отгораживаясь от других. От меня он тоже начал отгораживаться. Я-то вижу: было в его жизни какое-то несчастье. И если бы он позволил мне прикоснуться к своему больному месту, мы опять бы сблизились, как тогда, в начале моей беременности.

* * *

Я зашла с Билли на руках в ванную. Там у нас всегда холодно, потому что на стенах плитка, а пол паркетный - ковриков в ванной я не признаю. Захватив одежду и подстилку, я передела его на кухне. Билли недавно обнаружил, что можно засовывать в рот палец ноги, и проделал это сейчас, рассмешив меня.

Духовка старая и разогревается целую вечность. Опять я опоздаю с ужином.

Я стала складывать в стиральную машину одежду, и тут зазвонил телефон: Фрэн, няня.

- Извини, Кэти, я завтра не смогу прийти. Весь день мне сегодня плохо, а к вечеру вообще стало паршиво. Подцепила какой-то вирус.

- О господи, вот бедняжка...

- Ты уж извини. У меня есть подруга, Лиза. Она иногда подрабатывает няней. Дать тебе ее номер? Может, она согласится.

Следующие два часа я пыталась дозвониться до Лизы, а в промежутках готовила рыбу и ужинала вместе с Маркусом. В половине одиннадцатого я сдалась.

- Придется завтра работать дома. Филип будет не в восторге, но куда деваться? Я пока еще ни дня не пропустила. Попрошу Аишу принести сюда почту.

* * *

Утром пришло письмо от тети Дженни, и, читая, я не могла удержаться от улыбки. Она прислала черно-белую фотографию: мужчина и женщина в спортивном открытом автомобиле выпуска пятидесятых. Женщина, очень эффектная, с красивым шарфом на голове, похожая на кинозвезду тех же времен, с обожанием взирает на своего спутника. А тот, держа руль, сурово-сосредоточенно смотрит вперед.

На обратной стороне Дженни написала:

Я все думала о твоих словах по поводу замкнутости Маркуса. Давно установлено, что женщина в среднем произносит в день около семи тысяч слов, а мужчина только две тысячи. Не переживай. У тебя прекрасный муж и сын. Будь здорова и счастлива.

С любовью,

Дженни.

Дженни славная, заботливая женщина: когда мои родители уехали в Лиссабон, она меня тут опекала. Приятно знать, что она помнит обо мне и поддерживает.

* * *

Я с удовольствием провела целый день дома, с Билли, только трудно было сосредоточиться на корректуре. Мы сидели на кухне, смотрели картинки, я показывала Билли, как «говорят» разные звери, и ему очень нравилось. Потом почти на три часа пришла Аиша, и мы сделали кое-какие дела. Мы работаем вместе уже несколько лет, хотя моей помощницей она стала недавно. Вот уж на кого я всегда могу положиться в работе. Мы разобрали почту и счета. Я собралась готовить для правления презентацию и попросила Аишу найти сведения о том, какие места наши читатели посещают в Европе. Аиша с цифрами на «ты», а у меня это слабое место.

– Филип не возмущался, что меня нет?

– Он особо не высказывался, ты же его знаешь. Да все нормально. Только спрашивал, где Хейя.

– Ты ему сказала, что она взяла выходной?

– Да. Кажется, он к ней равнодушен.

– Правда? Я думала, ему нравится Виктория.

– Он тот еще котяра. Вечно крутится вокруг Хейи. А у нее, кстати, есть приятель. Я его видела.

– И как он?

– Высокий брюнет, одевается хорошо, похож на врача или юриста. В прошлое воскресенье я их заметила в театре.

Когда Аиша ушла, мы с Билли завалились поспать на моей кровати. Я через час встала и решила приготовить жареную курицу с рататуем. Пока все жарилось и кухня наполнялась вкусными ароматами, я набрала ванну пеной. Потом принесла Билли, и мы залезли в воду. У него есть желтое ведерко с отверстием, и ему очень нравится смотреть, как из него течет вода. Мне пришлось снова и снова черпать воду, а Билли ловил струйку руками.

В прихожей раздались шаги: пришел Маркус.

– Да тут у вас веселье!

– А то!

Он опустился на колени и поцеловал Билли в мокрую макушку. Потом закатал рукава и заявил:

– Пожалуй, я вас помою, миссис Хартман.

Налив в ладонь геля для душа, он принялся водить им по моей шее и груди. Грудь у меня теперь большая – из-за молока, и мне это, пожалуй, нравится. Придерживая Билли коленками, я откинула голову на край ванны и закрыла глаза. Маркус продолжал меня ласкать. В груди у меня началось покалывание. Вдруг он засмеялся. Я открыла глаза.

– Из тебя молоко брызжет!

Он наклонился и провел вокруг соска языком.

Хейя

Июнь

Вчера ходила на консультацию к мистеру Банерджи в Кентиш-таун. Он занимается аюрведической медициной; мне его порекомендовали как выдающегося врача и целителя.

Доктор – маленький сморщенный человечек с большими добрыми глазами, чуть шепелявый. Никакого обследования он не проводил. Посмотрел мне в глаза, пощупал пульс, оглядел руки, велел высунуть язык. Расспросил о моем питании. Сказал, что Панчакарма должна мне помочь. Эта методика очищения организма веками применяется в Индии. Она включает паровые ванны, клизмы с растительными маслами и ингаляции. Он назначил мне строгий режим и велел приходить к нему раз в две недели.

Сегодня вечером, припарковав машину на какой-то фешенебельной улице в незнакомой мне части Лондона, я отправилась искать ресторан, в котором Роберт назначил мне встречу. Кормили там, по его словам, замечательно.

Вестибюль встречал сдержанной роскошью, на стенах висели панели черного дерева. Служащий в ливрее принял у меня жакет и передал гардеробщику, затем проводил в зал, где стояли низенькие полированные столики в окружении кожаных кресел. Роберт уже сидел здесь, изучая меню, в темно-сером костюме и белой сорочке. Для человека его возраста он одевается слишком строго. Наверное, хочет выглядеть солиднее, возможно, ради пациентов.

Вместо приветствия он нежно поцеловал меня в губы, чуть отступил и оценивающе оглядел.

– Прекрасное платье!

– Спасибо. Я успела зайти домой переодеться. А ты прямо с работы?

– Да, очередной сумасшедший день.

– Никак не могу понять – могу ли я расспрашивать тебя о работе?

– Я что – такой таинственный?

– Да нет, это все твоя профессиональная скрытность.

Роберт уже заказал красное вино. Официант поставил передо мной огромный бокал и, продемонстрировав Роберту бутылку, торжественно налил мне вина. Я качнула бокал, попробовала.

– Хорошее. Мы что-то отмечаем?

– Просто желаю тебе угодить. – Он поднял бокал. – У них замечательная кухня.

В меню перечислялись роскошные и дорогие угощения: мусс из омара, дикая утка с персиками в апельсиновом соусе, колбаски с трюфелями, жареная оленина. Никаких простых блюд вроде запеченной рыбы или овощей на пару, которые я предпочла бы.

Мы сделали заказ, и нас проводили к нашему столику.

В обеденном зале тоже царил атмосфера престижного мужского клуба. Здесь были высокие потолки с лепниной, столы с белыми скатертями, стоящие друг от друга на значительном отдалении. Обедаящие разговаривали вполголоса.

– Над чем ты сейчас работаешь?

– Наша редакторша надумала выпустить серию статей, посвященных объектам Всемирного наследия ЮНЕСКО.

– Интересно.

– Не уверена. Рыться в источниках, описывать исторические здания... Предпочитаю писать о новых.

– Похоже, редакторша хорошо понимает читателей. Британцы любят смотреть в прошлое.

– Тем больше причин просветить их насчет современной архитектуры.

- Пожалуй, подпишусь-ка я на ваш журнал. Мне просвещение не мешает.

- Да, ты, наверное, тоже любишь смотреть в прошлое. - Я многозначительно обвела взглядом комнату.

- Тебе не нравится?

- Прекрасно - для разнообразия. Однако существовать в таком... традиционном интерьере я бы не смогла.

- А по-моему, очень приятно.

- Ты, я смотрю, отчасти ретроград, - поддразнила я.

Взгляд его темных глаз был серьезен.

- Я ценю хорошие вещи. Ты в субботу свободна? В Хэмпстэде идет старая картина с Бетт Дэвис.

- Какая?

- «Победить темноту».

- Не видела.

- Богатая капризная девица влюбляется в доктора, а потом выясняется, что у нее неизлечимая опухоль мозга.

- Веселенькая история! А я думала, что врач не имеет права встречаться с пациенткой.

- Это же кино. Они собираются пожениться, и она как-то приходит к нему в клинику, а он уже ушел. Она берет свою историю болезни, в которой написано: «Прогноз неблагоприятный».

Я подумала – не опрокинуть ли бокал на скатерть? Багровая жидкость так красива на белом фоне.

– И вот она приходит к нему в ресторан и там бросает ему: «Прогноз неблагоприятный!» Потом ее знаменитый взгляд, и она убегает.

– Теперь можно и не смотреть. Ты так замечательно все рассказал.

– Только начало. Потом интереснее. Ты не любишь старые фильмы?

– Когда как... – вяло ответила я.

Роберт расстроился. Он не хотел меня огорчить. Ему неизвестно ни о моей депрессии, ни о том, как сильно я полюбила своего врача.

Не мое дело его утешать.

В неловком молчании мы ждали, пока официант заберет тарелки. Я водила пальцем по краю бокала.

– Кажется, я тебя расстроил.

– Нет, Роберт, ты все сделал, чтобы вечер удался. Не обращай внимания, мы, северяне, иногда впадаем в уныние.

Он взял меня за руку.

– Хейя, прошу тебя, будь со мной откровенной. В чем причина твоего уныния?

– Все довольно сложно. – Я смотрела на скатерть. – Жизнь – это не кино.

Роберт не стал продолжать. Он никогда не настаивает, если я даю понять, что не хочу развивать тему. Он собирался взять такси и отвезти меня к себе: после дорогого угощения ждал хорошего секса. Я сказала, что никак не могу, – нужно забрать машину и ехать домой. Завтра очень напряженный день.

Он захотел проводить меня до машины. Мы остановились под фонарем; Роберт обнял меня и разглядывал с некоторой грустью.

- Ты точно хочешь сесть за руль?

- Да, все нормально. Я выпила всего один бокал.

- Значит, остальное выдул я?

- Такое хорошее вино, не замечаешь, как пьется. Спасибо, что пригласил.

- В выходные встретимся?

Я согласилась встретиться в субботу. С Робертом становится все труднее. Физической близости ему уже недостаточно. По дороге я задумалась – не пора ли прекратить наши отношения?

Поставив машину, я поднялась к себе. Налила немного вина и сидела у огромного окна, глядя на реку. Это были особые для меня минуты, когда я могла побыть одна и в покое. На реке мигали огоньками суда. Моими мыслями опять всецело владел Маркус. Ему бы понравилась и эта квартира, и этот вид на реку.

* * *

Когда я познакомила Маркуса с родителями, мама всячески пыталась его задеть.

Мы с ним постоянно встречались, пока учились в университете. Родители узнали о нем, когда его показали в новостях: Маркус организовал студенческую акцию протеста. Одна мамина подруга, которая мне никогда не нравилась, сказала ей, что несколько раз видела меня с этим студентом, что я связалась с революционерами!

Наконец я получила диплом, и родители пригласили Маркуса на обед. У меня тогда уже была какая-то маленькая должность на телевидении, а он доучивался на архитектора. Затея с обедом мне не нравилась. Моя мама умела быть суровой и надменной и вполне могла показать человеку, что она от него не в восторге.

Я приехала домой за день до обеда, хотела все приготовить. Мама купила в магазине мусаку и собиралась подать ее с салатом. На следующий вечер она накрыла стол – поставила глиняные тарелки и бокалы.

- Деревенский стиль – так симпатично, правда Хейя?

Я была вне себя. Если бы мама одобряла это знакомство, приготовила бы изысканное угощение, достала бы лучший фарфор и серебро. А так она хотела сказать: раз он социалист, то пусть ест магазинную еду.

Вся прелесть была в том, что именно так рассуждал и Маркус!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19429916&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

Денис Ласдан (1914–2001) – британский архитектор, представитель брутализма (от франц. beton brut – «необработанный бетон»); для конструкций этого стиля характерны мощные объемы и крупномасштабные композиционные решения. –
Здесь и далее примеч. пер.

2

Булочки с изображением креста, которые едят в Великую пятницу и во время Великого поста.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzhey-n-litell/otnyat-vsyo-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)